

18+

На высоте сорочьего полёта

Андрей Коваленко



Андрей Коваленко
На высоте сорочьего полёта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72258334

ISBN 9785006763425

Аннотация

«На высоте сорочьего полёта» – третий сборник автора песен и стихов Андрея Коваленко. В книгу вошли стихотворения, написанные в 2024 году.

Содержание

«Мы не знаем, кому и зачем нужны...»	6
Мороз	8
Лень	9
«Не везде, не всё и, в общем, не всегда...»	11
«Всё в мире мера и число...»	12
Точь-в-точь	14
Потаённая	15
«Сопку приобнял туман за плечи...»	16
«Ты такая невообразимая...»	17
«В фильмоскопе слайды из мультфильма...»	18
«Кто-то выдумал май – не весну и не лето...»	20
«Я люблю писать простым карандашом...»	21
Персей	23
«Я от пристани и до пристани...»	25
Март	26
Задача*	28
Море и ранняя осень	29
«А ведь нет никакой загадки...»	30
«В марте выбор у воды непростой...»	31
Эльдорадо	32
Дворник	34
«Видно, с музыкой на Небе нелады...»	35
«Когда ветер опять станет тёплым...»	37

«Я хочу, чтоб моими стихами...»	38
Сваха	39
Пещерное лирическое	41
«А пойдём в воскресенье с тобой гулять?...»	42
«Говорят, на свете есть места...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

На высоте сорочьего полёта

Андрей Коваленко

© Андрей Коваленко, 2025

ISBN 978-5-0067-6342-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мы не знаем, кому и зачем нужны...»

Мы не знаем, кому и зачем нужны.
Всё равно не раскрыть той загадки,
Почему не всякие пальцы нежны
И не всякие губы сладки.

Перемигиваясь с маячками звёзд,
Светят ёлочные гирлянды.
А кому-то комок предательских слёз
Разрывает гортань и гланды.

Мы нелепы как клоунские башмаки —
Вечно просим всего и разом.
И гадаем, вершки или корешки,
Слушая наш медвежий разум.

Как-то даже постыло – и смех, и грех —
Продолжать эти глупые игры.
Слой за слоем ложится под ёлку снег
И мигают звёздные искры.

Только нет тут совсем ни игры, ни тайн.
Есть лишь общей симфонии ноты.
Не бывает случайных подарков и ран

В этой книге, где сказано, кто ты.

Мороз

Я отчего-то люблю мороз.
Хоть нет во мне зычной сибирской бравады.
Мороз для меня это чёрный пёс
С горящим сквозь иней на морде взглядом.

С косматою шкурой, с крутой спиной,
С мерцающим паром над мощной холкой.
На лапах мохнатых, с хвостом метлой,
С суровых ноздрей воронёной двустволкой.

С ним следует ухо держать востро.
Иначе отхватит – тереть без толку.
Но нежен, как ласточкино перо,
Когда доброй мордой уткнётся в щёку.

Мне чужды забавы: из бани в снег,
С заносом по льду или водка с перцем.
Но взгляд из под этих собачьих век
Так любит моё июльское сердце.

Лень

Мне не скрыть ничего, да и незачем в общем.
Лень меня бережёт от гордыни и лжи.
Мы так часто завидуем, злимся и ропщем,
И толкаемся словно на пляже моржи.

До чего тяжело ревновать и казаться,
Лезть в друзья, а тем более в сердце кому.
Но зато как легко невзначай оказаться
На скамейке ленивой в парке не одному.

Я и сам бы, наверно, в тщеславии ушлом
Бил копытами пыль, закусив удила,
Только лень мне так сладко щебечет на уши
И поёт мне совсем про другие дела.

Про ходьбу по утрам, про топор и лопату.
Про людей, от которых светло и легко.
Про хорошие дни и любимые даты,
Где нет слова «дедлайн» в фирме «Барин и Ко».

Ну, а самое лучшее в матушке-лени
Это то, что она светлой правде под стать.
Если ты, брат, ленив, то и мудр, словно Ленин:
Лень тебе суетиться, лень лукавить и врать.

«Не везде, не всё и, в общем, не всегда...»

Не везде, не всё и, в общем, не всегда
Сочетается удобно и красиво.
Чаще просто дружно едет не туда.
Быстро, весело, но поперёк и криво.

Это норма. И не следует роптать.
Но совсем не повод, впрочем, и сдаваться.
Тот обрящет, кто не устаёт искать.
Не найдёт – так будет повод посмеяться.

На затылок лихо сдвину я треух
Да наощупь посчитаю медь в кармане.
Вьётся нить пока в руках у трёх старух.
И тропинка вьётся в утреннем тумане.

«Всё в мире мера и число...»

Всё в мире мера и число.
Всему своя шкала и нота.
Бухгалтерское ремесло
Содержит ангельское что-то.

Гроссбухи, счёты и весы
Стучат и шелестят повсюду.
И все мы в разные часы
Берём обманчивую ссуду.

Однажды всё сведут к нулям,
Чтоб бились мысли и поступки.
Ведь графам, строкам и полям
Пусты и чужды чувств уступки.

И горе нам, когда б одна
Лишь арифмометра секира
От неба до морского дна
Решала все итоги мира.

Не брезжило бы ничего
В тисках бухгалтерской работы,
Когда б не знали мы Того,
Кто выше долга и субботы.

Точь-в-точь

Мне щекочет в носу позолоченной спицей
Под финал декабря неожиданный март.
И щебечет взхлёб нагловатой синицей,
Словно друг под окном, новый вызов и старт.

Я с тобой говорить и ходить не устану,
Даже если экватор ты измерить решишь.
Твоего по-кошачьи текучего стана
Линии и изгибы только видеть бы лишь.

Мне давно не важны новолетья и даты.
Я не меряю жизнь календарной верстой.
Ведь, по сути, важны только координаты
И пароли для каждой новой встречи с тобой.

Зимы ли или вёсны шумят непогодой,
Бьётся ль в стекла рассвет или просится ночь,
Пусть уносятся дни с их краплёной колодой,
Ведь души моей солнце светит также точь-в-точь.

Потаённая

В задремавшем заснеженном городе,
Где на ёлках уборы белые,
В мишуре и игрушечном золоте
С неба падают звезды спелые.

Словно станция отдалённая,
Где всей грудью дышать охотнее,
Ты моя мечта потаённая,
Ты желанье моё новогоднее.

«Сопку приобнял туман за плечи...»

Сопку приобнял туман за плечи
Где-то между ночью и рассветом.
Нежности любовные ей шепчет,
Пользуясь магическим моментом.

Мокрые еловые иголки,
Как красавиц томные ресницы.
В их бездонно-изумрудном шёлке
Спят воспоминания и птицы.

Этот миг струной неуловимой,
Будто паутинка, невесомый,
Сводит вместе миллионы линий
И зовёт в туман хрустальным звоном.

«Ты такая невообразимая...»

Ты такая невообразимая.
Ты такая милая и смелая.
Что гляжу я дурачком-разинею
На тебя, любя и ошалело.

Ты такая безнадёжно юная.
Ты такая вся нахально-майская.
Что пою своими всеми струнами
И дышу тобой – моею сказкою.

«В фильмоскопе слайды из мультфильма...»

В фильмоскопе слайды из мультфильма.
Помнишь, тот, про третью планету?
Словно редкость с дальней полки пыльной.
Словно сны про детство и про лето.

Можно прокрутить вперёд и снова
Вспять вернуться с деловитым скрипом.
В каждом уравнении искомый
Поджидает икс нас белым грибом.

Мы всё те же люди из пещеры,
Что рисуют на стене бизонов.
И блестят в ресницах полусферы
Бесконечных детских горизонтов.

У меня в моём косматом сердце
Космос нот и нежное мычанье.
Я тебя ещё в пещерном детстве
Полюбил любовью неслучайной.

Отсветы ли от огня на стенах,
Формулы ли тайн «норы кротовой»,
Будешь ты родною неизменно

И всегда и вновь иной и новой.

«Кто-то выдумал май – не весну и не лето...»

Кто-то выдумал май – не весну и не лето.
Время тонкой листвы и луны на просвет.
Носит эхо твой смех, как вопрос без ответа.
И твой смех для меня – самый главный ответ.

За окном пелена февраля ледяного
Будто морок усталой колдуньи-зимы.
Но твой голос всегда так тепло и так ново
Дарит мне акварель солнца и синевы.

Ты подарок для всей этой странной планеты
От Того, Кто все звезды с любовью зажжёт.
Как прекрасно и как удивительно это,
Что и мне, словно май, подарил тебя Бог.

«Я люблю писать простым карандашом...»

Я люблю писать простым карандашом.
Это даже не письмо – скорей, рисунок.
Строчки скачут на бумаге нагишом,
В честной дикости превосходя рассудок.

Я люблю, чтоб карандаш был, как патрон.
Как для снайперской винтовки Драгунова.
Чтобы в пальцах ловко помещался он.
И, пока не сточишь, мне не нужен новый.

В этом есть какой-то детский фетишизм.
Так сказал бы кто-то умный иронично.
Для меня же это ключ в иную жизнь,
Где столбов никто не ставит пограничных.

Я рисую эти буквы и слова.
С каждым дружески здороваюсь за руку.
И поёт концертным залом голова,
Хоть наружу не доносится ни звука.

Оставляет след задумчивый графит.
Близкий родственник алмаза с антрацитом.
Как бриллиант, блестит, как уголь, он горит.

И опаснее ножа и динамита.

Персей

Снег ещё скрипит, но как-то робко.
Будто знает, что неделки три,
И, как мишуру и дождь в коробку,
Станут зиму прятать снегири.

Может, и не три, а все четыре.
Может быть, и пять – чего гадать?
Только что-то пробудилось в мире
И назад его уж не загнать.

Я в тяжёлых на меху ботинках,
Как Персей в сандалиях, лечу.
Лопается под ботиком льдинка —
Так тебя люблю я и хочу.

Солнце рыжей заспанной девчушкой
Тоненько зевает нараспев
И ногой болтает под ночнушкой,
На перине перистой присев.

Скрипнет тополь: перезимовали.
Свиристели пьяные вздремнут.
А мои крылатые сандали
Круглый год меня к тебе несут.

«Я от пристани и до пристани...»

Я от пристани и до пристани
Жив тобой, как водою пресной.
Это ведь про тебя написана
Вся, до чёрточки, Песнь песней.

Колыхалась звёздная крыша,
Потому что с поры Потопа
Только ты так чудесно вышла,
Что плясал Он, в ладоши хлопая.

Я твоею негромкой гаммою
И разбужен, и убаюкан.
Ты – мелодия лучшая самая
В мой размер сердечного стука.

Март

Не дождётесь ни одной слезинки,
Думал март, крепясь в мужском апломбе.
Не дожди, а солнечные льдинки
У меня звенят на каждом доме.

Я суров! Ведь я почти что зимний!
Хоть и не скрипят мои сугробы,
Серебро моё и снег, и иней
Той же самой драгоценной пробы.

Хмурил лоб, насупясь, март и тряс кудрями.
Жестью крыш гремел изрядно, как из пушки.
Но под свистелей с снегирями
Выдавали с головой его веснушки.

Под его мальчишеской ушанкой
Голубела бязь больших речных промоин.
Не сводил их ни на миг с соседской Таньки,
Сомневаясь, что её достоин.

И до слёз ему теперь обидно.
И до слёз он весь теперь счастливый.
Что аж неба сквозь капель не видно.
Что не ровен час, и грянет ливень.

Задача*

Жизнь моя – под звёздочкой задача.
Да ещё на скорость то и дело.
Каждый день то айсберги, то качка,
Или мёртвый штиль в тумане белом.

Я, как скалолаз на склоне зыбком
С горстью талька лишь и без страховки.
Нервная неброская улыбка
Приросла, как к дереву верёвка.

Ни в судьбу не верю, ни в удачу.
Но бодрюсь догадкой простой,
Что моя под звёздочкой задача
Это всё ж дорога под звездою.

Море и ранняя осень

Если не принимать в расчёт
Море и раннюю осень,
Спор на тему чудес и красот
Прекратит вызывать вопросы.

В глупых сравнениях смысла нет,
Как нет в доказательствах проку.
Ведь не имеет солнечный свет
Ни соперника, ни упрёка.

Знай без сомнений, любовь моя, —
Пусть я буду упёрт и несносен, —
Лишь как наряд созданы для тебя
Море и ранняя осень.

«А ведь нет никакой загадки...»

А ведь нет никакой загадки
В том, что небо синей и выше.
Всё равно, на какой раскладке
Мне печатать глупые вирши.

В дни весенние не в себе я,
Но зато и честней, и мягче.
Я люблю тебя всё сильнее
И скачу словно детский мячик.

Улыбаюсь в грязную лужу,
Где и лёд не совсем растаял.
Рвутся песни и смех наружу
Будто слалом или фристайл.

Никакого тут нет секрета,
Почему светит солнце ярче.
Просто от твоего привета
Я скачу словно детский мячик.

«В марте выбор у воды непростой...»

В марте выбор у воды непростой:
То ли в каплях, то ли в хлопьях лететь.
Спят берёзы под тугой берестой,
Но вот-вот им хороводить и петь.

В эту пору я, совсем как они,
Как-то сдобно и по-детски сонлив.
И сквозь веки мне цветные огни
Нагоняют соловьиный прилив.

Я тону в нём, как в постельном пуху.
Будто к бабушке меня отвезли.
Вон на вешалке тулуп на меху.
Дед живой ещё. Его, брат, не зли.

Я ещё совсем чуть-чуть полежу
И босым пойду на запах блинов.
...Стоп. На следующей ведь я выхожу.
Как же жить-то после таких снов?

Эльдорадо

И не криво, и не прямо,
Не галопом, и не рысью,
Я иду себе упрямо
Лишь с одной простою мыслью.

Лишь с одной простою мыслью,
Лишь с одной весёлой песней,
Чтоб хоть понизу, хоть высю
Только б оказаться вместе.

Городами, берегами,
Молчаливый, долговязый,
Я жирафьими ногами
В путь пускаюсь раз за разом.

Мне туда, где твои пальцы
Тонкой кисточкой волшебной
Брызги нот и жемчуг танца
Вносят в мир несовершенный.

Мне туда, где гибкой кошкой
Ластится к губам улыбка.
Где чудесной неотложкой
Увезут тревог обрывки.

Принесу тебе подарок.
Я люблю, когда ты рада.
С чуткой точностью радара
Разыщу я Эльдорадо.

Я иду с весёлой песней
И подмигиваю солнцу.
Мы с тобою будем вместе,
В верный час не разминёмся.

Дворник

У меня жилетка цвета «оранж».
Под ногами сепия и беж.
Пару дней назад летела порошь,
Но весна уже взяла рубеж.

Я штрихи бросаю деловито
Ёлочкой и чуть наискосок.
Пусть не лавром голова увита,
Замысел мой светел и высок.

Я хочу, чтоб радостно дышалось.
Я хочу, чтоб лёгкие шаги.
Чтобы и тревога, и усталость
Покидали души и мозги.

Я ваш незаметный очевидец.
А местами даже экзорцист.
Дворник – он чуть-чуть, но живописец.
Ведь метла – огромная, но кисть.

«Видно, с музыкой на Небе нелады...»

Денису Иконникову

Видно, с музыкой на Небе нелады,
Если срочно так вдруг вызвали тебя.
Перепутал кто-то нотные листы,
И фальшивят сферы, воя и скрипя.

Всё смешалось, и никто не разберёт,
Где бемоли, где диезы и ключи.
Верю, Он всегда всё знает напред.
Но так рано и так больно, хоть кричи.

Ты Ему там расскажи, что почему.
Почини им эту музыку для сфер.
Знаю, скажешь: волноваться ни к чему.
Просто нужно сверить такты и размер.

Как закончишь, осмотрись не торопясь.
Больше незачем гнать за верстой версту.
Пусть назначит Он смотрителем тебя
На какую-нибудь яркую звезду.

Нам порою сложно тут без маяка.

Сам ведь знаешь, как бывает – стыд и срам.
Пусть твоя такая добрая рука
Каждый вечер лампу зажигает нам.

«Когда ветер опять станет тёплым...»

Когда ветер опять станет тёплым,
Я прийду за тобою под вечер.
Когда схлынут гуляющих толпы
И заняться как будто бы нечем.

Ты сорвёшь на ходу одуванчик,
Невесомый такой и прозрачный.
Обомлею, как маленький мальчик —
Ты всё та же, но снова иначе.

Ты развеешь его над дорогой,
Загадав озорное желанье.
Парашютики-недотроги
Затеряются за этажами.

Будешь ты, как всегда, безупречна.
Буду я, как всегда, недотёпой,
В этот тихий сокровищный вечер,
Когда ветер опять станет тёплым.

«Я хочу, чтоб моими стихами...»

Я хочу, чтоб моими стихами
Признавались в любви век за веком.
Чтобы ими, как в кузне мехами,
Раздувался огонь в человеках.

Чтоб такое, что невыразимым
Показалось, волною нахлынув,
Стало словом и сделало сильным,
Добрым, лёгким и слышащим вызов.

Сам себя не зову я поэтом.
Это точно назваться любимым.
Лишь пою и про то, и про это,
В унисон тополям и рябинам.

Сваха

Привела мне сваха трёх невест.
Ведьму, кружевницу и царевну.
Молвила, что никого окрест
Больше не сыскать тебе, наверно.
Ведьме нужен сторож и кузнец.
У неё скотина и медведи.
Помер год уж как её отец.
И она одна теперь на свете.
Кружевнице возраст подошёл,
Хоть самой ей до венца нет дела.
Ей бы только бисер, нить да шёлк.
И коклюшка чтоб в ладонях пела.
У царевны вовсе без затей —
У неё страна и долг державный.
Батюшка велит подать детей.
Лишь жених чтоб до вина не жадный.
Ты, отец мой, сваха говорит,
Не упрямясь, девки все с приданым.
Выбирай, пока свеча горит.
Сам гляди – нахваливать не стану.
Я смотрю на девушек в лорнет.
(Вру. Какой лорнет?! Я ж сиволапый.)
Всем они пригожи, только нет
В них твоей кошачьей цап-царапы.

Нет нефрита в ведьминых глазах.
Неги нет в повадках кружевницы.
А царевну жаль – то гнев, то страх.
Нужен ей не я, а муж царицы.
Одарил я девушек, чем мог,
Чтоб обиду кто не затаила.
Свахе – шаль от темени до ног.
И сказал, чтоб больше не ходила.

Пещерное лирическое

Не скрыться от моих могучих рук.
Не убежать от быстрых моих ног.
От глаз моих, что видят всё вокруг,
И от ушей, что слышат каждый звук.

Хватучих лап моих не избежать.
И жадных губ моих не миновать.
Тебя мне очень надо обнимать
И целовать везде, куда достать.

Мы с мамонтом рыдаем, обнявшиСь.
Его не стал сегодня я валить.
Пещерная прекрасна наша жисть,
Ведь нам обоим есть, кого любить.

Бегу к тебе, как бешеный сайгак,
По пояс то в трясине, то в цветах.
Мне без любви твоей вообще никак
И в наших саблезубых временах.

«А пойдём в воскресенье с тобой гулять?..»

А пойдём в воскресенье с тобой гулять?
Вот уж август, уж осени слышен зов.
Я соскучился. Снова тебя обнять
Мне необходимо, моя любовь.

Мне необходимо, моя любовь,
Слышать иноходь наших с тобой шагов.
Чёрно-белые клавиши наших слов
Чтоб звучали плеском у берегов.

Берегов нашей общей с тобой реки,
Где и рыбы, и жемчугов полно.
Мне необходимо с твоей руки
Пить речную водицу, как вино.

Словно бы вино, словно жидкий свет,
Из которого словно отлит сентябрь.
Ароматней мёда на свете нет,
Чем предплечий и пальцев твоих загар.

Так пойдём в воскресенье с тобой гулять.
Вот уж август, уж осени слышен зов.
Я соскучился. Снова тебя обнять

Мне необходимо, моя любовь.

«Говорят, на свете есть места...»

Говорят, на свете есть места,
Где снега белей и лето краше.
Где и зубы, и глаза блестят
Радостью не здешнею, не нашей.

Там какой-то необычный хлеб.
Там киты и лодкой полумесяц.
Танцы, смех и говор нараспев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.